

Крещение в Православной церкви

Павел Тогобицкий является проректором Новосибирской библейской богословской семинарии, а также несет пасторское служение в церкви «Благодать» г. Бердска.

Раздробленность современного христианского мира на конфессии привела к тому, что нередко сходным явлениям (или даже одним и тем же словам) разными церквями приписывается совершенно разный смысл. Один из ярких примеров – крещение. Хотя и протестанты, и православные считают свое крещение исполнением заповеди Христа, но порядок совершения, необходимые условия и ожидаемые последствия крещения для них существенно разнятся. Как правило, это приводит к взаимному непризнанию подлинности крещения в другой конфессии. Однако полемика обычно строится вокруг наиболее ярких внешних отличий – с баптистской стороны, например, как правило, речь идет о недопустимости крещения детей. Сущностные различия затрагиваются реже.

В рамках данной статьи мы постараемся более полно рассмотреть тот спектр богословских идей, который в православии связан с крещением. При этом мы будем обсуждать православное крещение как средство возрождения, как способ обретения благодати и даров Святого Духа и как вхождение в Божий народ. Сами концепции «возрождения», «благодати» и некоторые другие, казалось бы, привычные термины, также потребуют обсуждения. Такой подход помогает понять внутреннюю логику и крещения детей, и многих других явлений, вызывающих недоумение у протестантов. Он также позволяет свести полемику к центральным сотериологическим и экклесиологическим разногласиям между конфессиями.

Наконец, картина будет неполной, если обсуждать крещение без еще одного таинства, совершаемого непосредственно после крещения^[1] и почти неизвестного протестантам, – миропомазания, в котором дается «дар Святого Духа».

Определение крещения

Православное учение о крещении преимущественно основывается на следующих текстах^[2]: Евангелие от Иоанна 3:5 и Послание Титу 3:5 – крещение как новое рождение; Послание галатам 3:27 – крещение как облечение во Христа; послания Римлянам 6:3–6 и Ефесянам 5:26 – крещение

как освобождение от греха; Деяния 2:38 – крещение как получение дара Святого Духа; Евангелие от Марка 16:16 и Первое послание Петра 3:21 – крещение как условие спасения; Послание колоссянам 2:11–12 – крещение как новый знак завета; Послание ефессянам 4:5 – единственность крещения; Евангелие от Матфея 28:19 – форма крещения. Катехизис Православной церкви определяет крещение следующим образом:

Крещение есть таинство, в котором верующий при троекратном погружении тела в воду с призыванием Бога Отца, и Сына, и Святого Духа умирает для жизни плотской, греховной и возрождается Духом Святым в жизнь духовную, святую. «Аще [если] кто не родится водою и Духом, не может внити [войти] во Царствие Божие» (Иоан. 3:5). <...> Самое важное в священнодействии крещения – это троекратное погружение в воду с произнесением слов: «Крещается раб Божий (имя) во имя Отца. Аминь. И Сына. Аминь. И Святаго Духа. Аминь»^[41].

Таким образом, именно церковное священнодействие, погружение в воду, с православной точки зрения, дает человеку возможность обрести новую, вечную жизнь со Христом в Духе Святом. И хотя, как мы увидим, само по себе водное крещение не является достаточным условием для спасения, оно (за редким исключением) – условие необходимое.

Крещение и возрождение

Значимость внешней формы крещения

Прежде всего, следует коснуться трехкратного погружения при крещении (отметим, что протестанты обычно крестят однократным погружением). С тремя погружениями связано, по крайней мере, два момента. Во-первых, «троекратным погружением крещение знаменует три дня гроба Господня»^[41]. Это особо подчеркивает понимание водного крещения как «крещения в смерть» Христа (ср. Рим. 6:3 и дал.), а также выражает непосредственную связь крещения с делом Христа. Профессор православного института в Париже Павел Евдокимов пишет:

Таинство воспроизводит всю образную кривую спасения: троекратное погружение заставляет пройти через *тридневное (triduum) пребывание во гробе* и сошествие в ад, выход же из воды есть возвращение в незакатный день. Крещальная вода приобретает сакраментальное значение

очистительной крови Христовой, и, таким образом, на пороге новой жизни воздвигается Крест^[6].

Во-вторых, именование лиц Троицы при погружениях указывает на тринитарный аспект таинства. Отметим также, что не только погружение, но и почти всё чинопоследование крещения состоит из указывающих на Троицу тройных элементов: молитвословий, дуновений, слов о сочетании Христу, исповеданий символа веры и так далее; также в молитвах часто прямо упоминается Троица^[7]. В основе такого подхода лежит не только заповедь из Евангелия от Матфея 28:29, но и описание крещения Самого Иисуса Иоанном Крестителем, когда «Отец явлен в голосе: Ты Сын Мой; Сын – в человеке, рожденном от Девы; Дух Святой – в телесном облике голубя»^[8]. В определенном смысле, «крещаемый во имя Христа погружается вместе с Ним в иорданские воды, получает власть над грехом и сподобляется сошествия Святого Духа»^[9].

Таким образом, форма крещения толкуется как выражение тесной взаимосвязи между бытием Христа и Троицы и бытием новообращенного члена Церкви, который «погребается как ветхий человек и воскресает после троекратного погружения в воду к новой жизни – жизни по образу троичного бытия»^[10].

Отметим также чрезвычайную «сложность» чинопоследования крещения. Его обсуждение выходит за рамки данной статьи, поэтому мы приведем только очень критичную заметку православного священника-реформатора Сергея Желудкова:

Сравнивая с этим [т.е. Деян. 8:36–38] чин крещения в нашем Требнике, мы видим удивительную, удивительную его перегруженность молитвословиями и священнодействиями... Очень проблематична символика дуновений: как будто священник «выдувает» из человека нечистого духа... Проблематичны и многословные «запрещения», адресованные самому дьяволу... Зачем эта сомнительная риторика? Надо бы лучше сосредоточить все внимание на отречении человека от сатаны... Это повторяется трижды. Но Требник как будто не верит столь торжественному отречению и заставляет повторять его снова трижды уже в прошедшем времени: «отрекохся»... «И дуни, и плюни на него»... «Сочетавание Христу» еще более обесценивается от многословия: оно повторяется в общей сложности четырнадцать раз. Символ веры, полный его текст, читается не один раз, а три раза. Зачем? Как будто авторы чина видели какую-то магическую силу в этих бессмысленных

повторениях. Филипп не освящал воду; у нас это – специальное священнодействие при каждом крещении по чину Великого Освящения вод в праздник Богоявления. Потом следует странная молитва – чтобы не спрятался в святой воде демон темный и не сошел бы туда с крещаемым дух нечистый... Далее следует молитва на освящение масла и помазание маслом членов тела крещаемого. Зачем это отвлекающее помазание? После крещения «умывает священник руце, поя с людьми псалом тридесять первый». Псалом этот в большей части церковно-славянского текста совершенно непонятен; но «глаголется весь, трижды»... В целом виде, как он напечатан в Требнике, чин крещения сегодня нигде, решительно нигде не исполняется. Сокращения же его по личному разумению служителей, как правило, недостаточны и далеко не всегда удачны^[11].

Тем не менее, для многих православных одно из преимуществ православия как раз и состоит в его непростой красоте^[12]. Для нас же сейчас важно обратить внимание, что сама сложность чинопоследования подчеркивает значимость действия. За ним стоит ожидание реального изменения бытия и изменение отношений как со злыми духами, так и, что гораздо важнее, со Христом.

Изменение человеческой природы

Связываемое с крещением изменение бытия, с православной точки зрения, действительно можно назвать «возрождением». Однако, в отличие от протестантизма, где возрождение обычно соотносят с даром вечного спасения, православие понимает возрождение как *возможность* достичь спасения. Такая возможность появляется в результате крещения и обусловлена, прежде всего, восстановлением природы. Архимандрит Сергей Страгородский (впоследствии патриарх Сергей) пишет:

С православной точки зрения, праведность, полученная человеком при крещении, отнюдь не может быть представляема в виде какой-то четвертой силы... По православному учению, праведность новокрещенного состоит только в восстановлении первозданного расположения души и вообще всей природы человека^[13].

Здесь мы сталкиваемся с типичным для восточного богословия представлением о спасении как об исцелении «больной» грехом человеческой природы, а не искуплении вины греха (что характерно для богословия западного). Это исцеление осуществляется воплощением Сына

Божьего, Который принял в Свою ипостась нашу испорченную грехом природу, Который победил грех и смерть, Который обóжил человеческую природу в Себе^[14]. Теперь «новая природа, обновленная тварь появляется в мире... это – Церковь, чистая и непорочная среда, в которой мы достигаем единения с Богом»^[15]. Таким образом, наше спасение, с православной точки зрения, заключается в некоем «усвоении» этой исцеленной природы, получении ее от Христа и Церкви. При этом крещение, очевидно, играет первостепенную роль. Архимандрит Сергей пишет:

Посредством крещения и подражания смерти и воскресению Христа человеческое «Я» снова обретает возможность сделать эту обновленную человеческую природу своей и таким образом достичь личной святости^[16].

Также Яннарас Христос (греческий православный богослов) говорит:

Это добровольное погребение оказывается для твари (вслед за Христом) началом нового, нетленного существования, не подверженного разложению и уничтожению. В воде, символе и лоне жизни, восстанавливается и обновляется наше естество... Именно здесь, в чувственной области, в жизни естества, совершает Святой Дух Божий преобразование образа нашего бытия, прививая тварный черенок к нетварному дереву^[17].

Чтобы наглядно показать сообщение человеку новой природы, православными авторами используется целый ряд образов. Самые распространенные из них – это уже упоминавшееся «привитие черенка»^[18], а также «сеяние семени»^[19]. Видимо, такой выбор обусловлен желанием выразить потенциальность в усвоении воссозданной Христом природы. Требуются определенные усилия по возвращению данного семени или черенка. Более того, несмотря на наличие семени новой природы, старая природа (и связанные с ней проблемы) все еще присутствует в человеке. Согласно архимандриту Сергию:

Человек в крещении решил отселе служить Богу и исполнять волю Его. Благодать таинства завершила это решение и довела его до степени полного нравственного переворота. Однако человек новой природы не получил: принятое им решение должна исполнять его прежняя природа, привыкшая служить греху. Правда, тяжесть греха, его принудительное господство над силами души отстранено в крещении, господствует теперь Христос, к Которому устремлена душа крещеного; но при всем том, душа эта все прежняя, силы ее не переменены. Нужна, следовательно,

осмотрительность человека, чтобы опять не поддаться привычной стихии греха, чтобы не отпасть вторично от Христа^[20].

Не стоит думать, что речь здесь идет о привычной для внутрипротестантских споров концепции «потери спасения». Соединение со Христом в возрождении – это вообще не спасение в протестантском понимании. Спасение для православного христианина наступает только в случае полной победы над грехом, при достижении личной (а не вмененной) святости. Поэтому православная жизнь – это путь к данному спасению^[21], и человек в крещении получает лишь возможность встать на этот путь, а не проходит его сразу и до конца.

Удаление греха в крещении

Значимость крещения в борьбе с грехом, с православной точки зрения, проявляется, помимо всего прочего, во–первых, в прощении личных грехов, совершенных до крещения, во–вторых, в исцелении первородного греха. При этом первый элемент, хотя он и принимается как нечто само собой разумеющееся (особенно в свете Деяний 2:38), часто в православии акцентируется меньше^[22]; удаление первородного греха более значимо и, фактически, связано с уже обсуждавшимся преобразованием человеческой природы. Что касается прощения личных грехов, то оно связано с упоминавшимся «отстранением тяжести греха».

Всякое греховное падение кладет известную печать на душу человека, так или иначе влияет на ее устройство. Сумма греховных действий составляет, таким образом, некоторое прошлое человека, которое влияет на его поведение в настоящем, влечет его к тем или другим действиям. Таинственно–свободный переворот в том и состоит, что нить жизни человека как бы прерывается, и образовавшееся у него греховное прошлое теряет свою определяющую принудительную силу, как бы выбрасывается из души, становится чуждым для человека^[23].

Что касается первородного греха, то, согласно Николаю Кавасиле (средневековому византийскому богослову):

Купель являет чистыми от всякого расположения и действия греховного, поскольку делает общниками сей животворящей смерти [Христовой]. Поелику же и воскресения приобщаемся через купель, Христос дает нам иную жизнь... я совершенно освобождаюсь от преступлений и тотчас получаю здравие... Ибо с тех пор, как взошел Он на крест и умер, и воскрес,

восстановлена свобода людей, утверждены вид и красота, приготовлены новый образ и новые члены. И сие может доставить нам купель: мертвым – жизнь, связанным – свободу, *поврежденным – блаженный образ*^[24].

Именно повреждением Адамом «образа» Божьего в человеке обусловлен первородный грех^[25], и именно «образ» восстанавливается в крещении. В православии, в отличие от западного христианства, с первородным грехом не связывают виновность человека перед Богом. Что касается известного текста из Послания римлянам 5:12, то, следуя толкованию Иоанна Златоуста, его можно было бы перевести так: «Как одним человеком грех вошел в мир, и грехом – смерть, так и смерть перешла во всех людей, ибо в ней все согрешили»^[26]. Иоанн Мейендорф (православный специалист по патристике) поясняет это следующим образом:

[Люди] хотя и не согрешили, но унаследовали от Адама смертность. Смертность – это своего рода болезнь, порождающая страх, который, в свою очередь, служит причиной борьбы за существование. В этой борьбе каждый стремится выйти победителем за счет своего ближнего: в этом и состоит суть греха, который есть обратное любви, то есть отдачи всего ближнему... Результат первородного греха есть наследственная смертность, которая, в свою очередь, порождает грех. Грех и смерть, взаимно порождая друг друга, образуют порочный круг, в котором человек был заключен до прихода Христа. Смерть и Воскресение Спасителя разорвали этот круг и принесли миру спасение, благодаря которому христиане милостью Божией могут теперь жить вне рабства греху и смертности. Милостью Божией – значит во Христе, Его благодатью, которой мы облакаемся в крещении, умирая и воскресая вместе с Ним... В самом обряде крещения нет ни одного слова о грехе, в нем говорится лишь о смерти и о вечной жизни^[27].

Хотя под влиянием западного богословия православие стало уделять большее внимание очищению в крещении^[28], но, как отмечает И. Мейендорф, на уровне чинопоследования преобладает идея победы над смертью. Сейчас идея преимущественной связи крещения с жизнью и смертью вновь становится для многих центральной, отчасти благодаря влиянию «зарубежного» православия^[29].

В связи с тем, что протестантское богословие обычно соотносит пребывание в образе Божьем со спасением, опять-таки необходимо отметить, что для православия – это только начало спасения. Данная концепция строится на разграничении в святоотеческой литературе образа и подобия Божьего, в

частности, при толковании Бытия 1:26–27: человек был сотворен по образу Божьему и должен был достигнуть подобия Божьего (обожиться)^[30]. Адам не осуществил это предназначение, выбрав «неправильный путь». Крещение возвращает человеку образ Божий и ставит перед ним ту же самую задачу – достигать подобия^[31]. Андрей Лосский (православный богослов, сын Владимира Лосского) пишет:

Крещение дарует два вида благодати: первая, подаваемая незамедлительно, есть обновление в человеке образа Божиего. Для полной реализации второй необходимо сотрудничество человека: речь идет о возобновлении в нем подобия, которое человек должен научиться постепенно приобретать и открывать... Крещение вселяет в сердце человеческого благодать Святого Духа, не оставляя в нем никакого места противнику. Но проявление этой благодати... зависит от свободы человека, от его решимости исполнять божественные заповеди^[32].

Таким образом, мы приходим еще к одному аспекту понимания крещения в православии: крещение есть способ обретения благодати Святого Духа.

Крещение и действие Святого Духа

Дар благодати в крещении

Часто утверждается, что главное предназначение таинств в Православной церкви – «сообщение таинством невидимой благодати душе верующего»^[33] (впрочем, не все полностью согласны с таким пониманием таинства^[34]). Феофан Затворник описывает крещение следующим образом:

Крещение дает нам то, что ничто другое на земле, кроме него, дать нам не может. Оно сочетает и сорастворяет с естеством нашим божественную благодать, так что из купели крещения человек выходит таким, каким выходит из мастерской какое-либо изделие, например, колокольчик, в коем к меди прилито серебро. Подобный ему медный колокольчик без серебра на вид таков же, как и этот с серебром; но состав их разный, разный у них звук, разны и честь им, и цена... А крещеный получает именно эту силу. Он не выходит из купели бессмертный, бесстрастный, не способный болеть, изменяться, но к его естеству прививается именно эта сила Божия, которая, если человек захочет, поможет ему одолеть грех, живущий в нем^[35].

Мы вновь здесь видим спасительность крещения, так как крещение дает благодать, необходимую, чтобы достигать победы над грехом и, в

конечном итоге, спасения. Следует отметить, что термин «благодать», опять-таки, употребляется в православии не совсем в привычном для протестантов значении. Для православного богословия благодать – это:

...нетварная божественная сила... в которой Бог являет Себя человеку, а человек с ее помощью преодолевает в себе греховное начало и достигает состояния обожения. <...> Эту силу можно определить как проявление божественной природы. Поэтому ею обладают все три Лица Святой Троицы, независимо от их ипостасных свойств... Совершителем же благодатного освящения человека является Третье Лицо Святой Троицы – Святой Дух^[36].

Взаимосвязь между даром благодати и действием Святого Духа подводит нас к еще одному таинству Православной церкви, совершаемому вместе с крещением и непосредственно связанному со Святым Духом, – миропомазанию^[37].

Дар Святого Духа в миропомазании

Православное учение о миропомазании основывается, прежде всего, на текстах Деяний 8:14–17 и 19:6, в которых описано принятие Духа Святого при возложении рук апостолов, Втором послании коринфянам 1:21 и Первом послании Иоанна 2:20, 27, где упоминается помазание, и на общем учении Нового Завета о даровании верующим Духа Святого (например, Иоан. 7:37–39)^[38]. Обычно предполагается следующая схема «развития»: при крещении апостолы возлагали на крещаемых руки, и те получали Духа Святого; возможно, уже тогда это сопровождалось помазанием миром; затем апостолы передали эту власть своим преемникам – епископам; в связи с невозможностью для епископа присутствовать на каждом крещении, возложение рук епископа было заменено помазанием миром, освященным епископом^[39]. В настоящее время миро для помазания готовится главой автокефальной церкви (патриархом)^[40] и рассылается по всем приходам.

При анализе святоотеческого учения о крещении важно учитывать, что миропомазание начинает обретать отдельное чинопоследование примерно в V в.^[41] да и после этого, особенно на Востоке, где все совершалось одновременно, часто под «крещением» понимался весь процесс из крещения и миропомазания в совокупности. Тем не менее, стоит задать вопрос: в чем состоит, с православной точки зрения, результат именно миропомазания? Катехизис митрополита Филарета определяет миропомазание следующим образом:

Миропомазание есть таинство, в котором верующему при помазании освященным миром частей тела во имя Святого Духа подаются дары Святого Духа, возвращающие и укрепляющие в жизни духовной^[42].

С другой стороны, Александр Шмеман, критикуя вышеприведенное определение, описывает миропомазание так:

Особенность этого таинства заключается в том, что оно сообщает человеку не какой-нибудь частный дар или какие-то дары Святого Духа, а самого Святого Духа как дар. Дар Святого Духа, святой Дух – дар!.. И мы получаем этот личный дар Христов... потому что в крещении, крестившись во Христа, мы во Христа облеклись. Христос – Помазанник, и мы получаем Его помазание; Христос – Сын, и мы получаем сыновство; Христос имеет Духа, Который есть Жизнь Его, и нам дается участие в Его Жизни^[43].

Впрочем, разница не столь принципиальна, так как «дары Святого Духа»^[44] являются естественным следствием того, что в человеке пребывает Святой Дух. В любом случае, именно миропомазанием, с современной православной точки зрения, определяется возможность подлинной духовной христианской жизни после крещения. Если задача человека обожиться, стать образом и подобием Бога, то крещение необходимо, чтобы восстановить поврежденный образ, а миропомазание – чтобы достигнуть подобия. В связи с этим Владимир Лосский пишет:

Но если по своей природе мы – члены, части человечества Христова, то наши личности еще не дошли до соединения с Божеством. Искупление, очищение природы не дает еще всех необходимых условий для обожения. Церковь уже является Телом Христовым, но она еще не есть «полнота Наполняющего все во всем» (Еф. 1:23). Дело Христа закончено, теперь должно свершаться дело Святого Духа. <...> Дело Христа относится к человеческой природе, которую Он возглавляет в Своей Ипостаси. Дело же Святого Духа относится к человеческим личностям, обращается к каждой из них в отдельности. <...> Святой Дух, сошедший на учеников в огненных языках, невидимо нисходит на новокрещаемых в таинстве святого миропомазания... Святой Дух действует в обоих таинствах: Он воссоздает нашу природу, очищая ее и соединяя с Телом Христа, Он также сообщает человеческой личности Божественность – общую энергию Пресвятой Троицы, то есть благодать^[45].

Из представленных описаний миропомазания отчетливо видно, что сверхъестественное действие Бога, когда Он лично пребывает в

христианине, и все обусловленные этим пребыванием следствия, фактически, привносятся в человеческую жизнь через таинство, совершаемое в Православной церкви. Если следовать данной логике, то протестанты, не совершающие миропомазания (да и не способные совершить настоящее миропомазание), лишены Духа Святого, а значит, какой бы то ни было духовной жизни^[46].

В свете такой роли таинств в православии вполне естественна мысль Николая Кавасилы, что между Церковью и таинствами «не просто общность имени или аналогия в силу подобия, но тождество действенности»^[47]. Теперь необходимо задать вопрос о роли самого человека, принимающего крещение, в осуществлении всех указанных благословений.

Крещение и свобода человека

Значимость свободного выбора в крещении

С православной точки зрения, церковные таинства не действуют автоматически, по факту совершения. Таинство будет действенным лишь при условии соответствующего состояния того, кто в нем участвует. Согласно православному катехизису:

Для того, кто желает принять крещение, требуются покаяние и вера. Поэтому перед крещением читается Символ веры. «Покайтесь, и да крестится кийждо вас [каждый из вас] во имя Иисуса Христа во оставление грехов; и примете дар Святаго Духа» (Деян. 2:38). «Иже [тот, кто] веру имет и крестится, спасен будет» (Марк. 16:16)^[48].

Помимо учения Священного Писания о необходимости отклика в вере и покаянии на призыв Божий, необходимость сознательного участия в таинстве обусловлена и сотериологическими представлениями Православной церкви. Спасение – это победа над грехом, когда человек свободно и добровольно выбирает следование Божьей святости. Такая победа возможна лишь во взаимном сотрудничестве (синергии) Бога и человека. И таинства, при всей их значимости, являются вспомогательными средствами^[49]. Если человек сознательно не стремится к уподоблению Богу, в таинствах смысла нет. Александр Шмеман пишет:

Само же таинство в точности состоит в следующем: решающий акт веры и божественный отклик на него, исполнение одного другим. Вера, выраженная в виде желания, делает таинство возможным, так как без веры

оно носило бы магический характер – было бы внешним и произвольным актом, нарушающим человеческую свободу. Но только Бог, отвечая на веру, реализует эту возможность, делает ее именно тем, чего желает вера: смертью и воскресением со Христом^[50].

Ввиду того, что в современной Русской православной церкви крещение часто совершается без надлежащего наставления и подготовки (хотя в последние годы ситуация несколько улучшилась), необходимо еще раз подчеркнуть, что, с точки зрения православного богословия, а также с точки зрения восточных отцов Церкви, *свободный выбор* крещаемым новой жизни с Богом является необходимым условием. Следующие слова Кирилла Иерусалимского часто цитируются православными авторами:

Если же ты останешься в злом произволении своем, то проповедующий тебе не виноват будет, а ты не надейся получить благодать. Вода тебя примет, но Дух не примет^[51].

Но Он [Дух Святой] испытывает душу; не повергает бисера перед свиньями. Если ты лицемеришь, то человеки крестят тебя ныне, а Дух не крестит тебя. Если же приступаешь с верою, то человеки будут совершать видимое, а Дух Святой сообщит невидимое^[52].

Здесь невольно возникает вопрос: почему православные крестят детей, которые не совершают при этом никакого сознательного выбора?

Зачем крестят детей?

Несмотря на то, что условие крещения (свободный выбор веры) для детей кажется невыполненным, все те последствия, которые крещение имеет с православной точки зрения, вполне применимы и к детям. Что касается «привития» младенцу новой природы, то, как пишет В. Рубский (полемизируя с протестантами):

Православные крестят детей, чтобы им легче было стать христианами... В Православной церкви дети и взрослые крестятся для того, чтобы быть членами Церкви, частицами Тела Христова. Ничего не происходит автоматически. Крещеный (независимо от возраста) получает возможность стать православным христианином. Но он сохраняет за собой и равную возможность не быть им. Потенциально он – член Церкви. А степень реализации этой потенции зависит от него самого. Наличие детского крещения у взрослого атеиста вовсе не делает его православным, а лишь

указывает на то, что он воспользовался свободой затоптать посаженное в нем семя Христа, заморозить Его перекваску, сделать себя засохшей веткой на древе Церкви, которая, как плоть без Духа, не пользует нисколько (Иоан. 6:63). Однако при покаянии он уже не нуждается во вторичной прививке к сему древу^[53].

Что касается удаления греха, то, согласно обычно цитируемому 124-му правилу Карфагенского собора 418 г., «младенцы, никаких грехов сами собой совершить еще не могущие, крестятся истинно во отпущение грехов, да чрез возрождение очистится в них то, что они заняли от ветхого рождения»^[54]. Или, как пишет И. Мейендорф: «Мы крестим младенцев не потому, что они грешны, а потому, что они смертны»^[55].

Что касается дара Святого Духа, то, как пишет Иларион Алфеев:

Младенец, принимающий таинство, не может логически осмыслить то, что происходит с ним, однако его душа вполне способна воспринять благодать Святого Духа. «Я верую, – пишет преподобный Симеон Новый Богослов, – что крещенные младенцы освящаются и сохраняются под кровом Всесвятого Духа и что они – овцы духовного стада Христова и избранные агнцы, ибо запечатлены знамением животворящего Креста и совершенно освобождены от тиранства диавола». Однако младенцам благодать Божья дается как бы в залог их будущей веры, как семя, которое бросают в землю^[56].

Итак, в православии крещение – это возрождение для новой жизни, то есть *возможность* возвращать посеянное «семя» и помощь в этом возвращении. Возраст при этом не так принципиален, просто младенец, возможно, реализует свой потенциал позже. Однако, в связи с особым акцентом на свободе в православном учении, все же остается разобраться с вопросом, почему в случае крещения детей вообще возможно крещение без свободного волеизъявления? Эта проблема разрешается не в контексте личных отношений ребенка с Богом, но в контексте коллективных отношений между Богом, Церковью и ребенком.

Крещение и Божий народ

Крещение детей

Одно из православных определений крещения – «дверь в Церковь»^[57], причем это дверь, в том числе, и для младенцев. Учение о крещении детей, в основном, основано на следующих текстах^[58]: Евангелие от Матфея 19:14 и

Евангелие от Луки 18:15–16 – запрет препятствовать детям приходить к Иисусу; Евангелие от Луки 1:15, 41 – исполнение Духом от чрева матери; Послание колоссянам 2:11–12 – замена обрезания крещением; Деяния 16:14–15, 30–34 и Первое послание коринфянам 1:16 – крещение целых домов.

Доминирующий аргумент – крещение как исполнение прообраза ветхозаветного обрезания^[59]. Обрезание было знаком принадлежности к народу Завета, и крещение является знаком принадлежности к народу Нового Завета. Раз к тому народу принадлежали дети, они должны принадлежать и к новому народу^[60]. Фактически, при таком подходе Церковь является «новым Израилем» и «наследует» многие особенности жизни Израиля именно как народа^[61]. Андрей Кураев пишет:

Христос заключает Новый Завет не с Петром и не с Иоанном, но с новым народом Божиим... Поэтому очень важно понять, что обрезание и крещение не есть частные требы. Это не просто личное или семейное событие. Это событие общенародное. И вступить в Завет – значит получить права гражданства в народе Божием, значит начать жить той жизнью, которая и помимо меня, и до меня живет в других людях, через которых я встречаюсь с Творцом. Не отделить нас друг от друга пришел Спаситель, но воссоединить. <...> Для обретения спасения надо вступить в «землю святую», в то сообщество людей, через которое свет благодати распространяется в мире. Церковь – народ Божий. А может ли быть народ без детей? <...> Этими таинствами родители включают своих детей в состояние Завета, в состав народа Божия для того, чтобы на малышей распространялась благодатная Божия защита, покрывающая весь народ^[62].

Похожим образом, но с бóльшим акцентом на семейный аспект христианской жизни описывает крещение детей Петр Мещеринов:

По устройению Церкви таинства должны приниматься человеком свободно, сознательно и осмысленно. Младенец лишен всех этих качеств, и, формально рассуждая, крещение нужно откладывать на сознательный возраст. Церковь, однако, не мыслит формально: все ее действия есть выражение любви к людям, доверия к ним, уважения. Чтобы семья, в которой рождаются дети, могла быть совершенной домашней церковью – а именно такой должна быть христианская семья, – чтобы не было так, что родители – члены Церкви, христиане, а дети – вне Церкви, дожидаются

своего возраста, – Церковь позволяет крестить детей – именно чтобы не лишать целостности домашнюю христианскую общину^[63].

Желание родителей, чтобы их дети были ближе к Богу, чтобы они с детства получали благодатную помощь, чтобы они вместе с родителями полноценно участвовали в церковной жизни, психологически вполне объяснимо. С учетом того, что именно дает человеку крещение с православной точки зрения (возрождение, чистоту, благодать), нельзя не желать, чтобы этим обладали и дети.

Тем не менее, вопрос о действенности таинства остается. Если это не «магия», а свободный ответ человеческой веры Богу, то где же вера при крещении детей? Традиционный православный способ разрешить эту проблему – «заменить» веру детей верой других людей, родителей и восприемников^[64]. Согласно православному катехизису:

Младенцев крестят по вере родителей и восприемников, которые при этом обязаны научить их вере, когда они будут приходить в возраст^[65].

Объясняя это, большинство авторов довольствуются примерами из Ветхого Завета: во-первых, уже упомянутое обрезание детей; во-вторых, Анна, посвятившая Самуила на служение Господу еще до его рождения (ср. 1 Цар. 1:11):

Православные восприемники обещают Богу лишь то, что крещаемые будут наставлены в вере и благочестии и будут принадлежать к спасительной Церкви Христовой. Восприемники призваны максимально ограничить круг духовных исканий крещаемого... Иначе говоря, восприемники обязуются по возможности культивировать семя Христово в душе крещаемого и не дать тернию сделать крещение тщетным. Так, Анна ограничила выбор духовного пути Самуила до минимума ещё до его рождения и, таким образом, лишила его права выбора^[66].

Таким образом, вера родителей и восприемников – это способ создания определенной среды для воспитания ребенка. Такой подход хорошо вписывается в православное понимание веры как выбора правильного *пути*, ведущего к спасению. Если взрослый человек, крестившись, сам определяет свои жизненные приоритеты, то за детей эти приоритеты, до некоторой степени, определяют родители. Лишь повзрослев, ребенок сможет делать свой собственный выбор, становясь или не становясь православным христианином.

Однако важно обратить внимание, что ни обрезание, ни молитва Анны не производили сущностных изменений – это был лишь религиозно–общественный выбор, тогда как крещение – это именно таинство, изменяющее природу и духовную жизнь человека. Как мы можем быть уверены, что возрождение произошло, если, например, в случае неискреннего крещения взрослого человека «вода примет, а Дух не примет»? Видимо, в связи с этой трудностью православными авторами было предложено объяснение, основанное на отказе от *личной* веры как непосредственного условия действительности крещения^[67]. Александр Шмеман пишет:

С православной точки зрения, существенный вопрос о вере в ее связи с таинством должен звучать так: какая вера, и даже более точно, чья вера? И равно существенный ответ на этот вопрос гласит: Христова вера, данная нам, становящаяся нашей верой и нашим желанием... Крещение не зависит, да и не может зависеть в своей сущности (которая заключается в том, что крещение есть поистине наша смерть и воскресение со Христом) от личной веры, сколь бы «взрослой» или «зрелой» она ни была. И дело здесь не в недостатке или ограниченности личной веры, а только в том, что крещение – исключительно и полностью – зависит от Христовой веры, есть дар Его веры, ее истинная благодать... А присутствие в этом мире Христовой веры есть Церковь... Она крестит не всех детей, а только тех, которые уже принадлежат ей либо через родителей, либо через ответственных восприемников, – которые, другими словами, приходят к крещению изнутри сообщества верующих... Поэтому Церковь крестит только тех, чья принадлежность к ней очевидна и может быть подтверждена: либо личной верой и ее исповеданием в случае крещения взрослого оглашенного; либо, в случае крещения младенцев, обещанием и исповеданием веры теми членами Церкви – родителями или восприемниками, – которые имеют власть предложить своего ребенка Богу и будут отвечать за его возрастание в «обновленной жизни»^[68].

Похожим образом рассуждает и Николай Афанасьев:

Личная вера предшествует крещению. На ее основании местная церковь решает о допущении кандидата к таинству крещения. В момент крещения вера крещаемого не играет активной роли, так как таинство крещения совершается Духом в Церкви... Рождение от христианских родителей является свидетельством для Церкви, что Бог призывает рожденных от них детей в Церковь... Отсюда вытекает основной вывод относительно

крещения младенцев и детей: оно совершается только над детьми лиц, состоящих в Церкви, так как только предварительное состояние родителей в Церкви может заменить предварительную веру крещаемого младенца^[69].

Фактически, здесь мы видим идею Церкви как Божьего народа, доведенную до логического конца. Те, кто рождаются в этом народе, через физическое родство^[70] уже причастны к этой новой «национальности», что делает возможным установление принадлежности через родство духовное в крещении. Православие всегда подчеркивало, что спасение совершается не индивидуально, но церковно^[71], и в крещении детей церковность выступает на первый план.

Значимость «близости» к Церкви

Итак, «близость» к Церкви через исповедание православной веры или даже через физическое рождение приводит к особому действию Бога в жизни человека – он возрождается в крещении. В связи с этим определенный интерес представляет вопрос о действии Бога за пределами Православной церкви, в частности, при совершении крещения в других конфессиях. Архиерейским собором Русской православной церкви в 2000 г. было принято следующее заявление:

Православная церковь устами святых отцов утверждает, что спасение может быть обретено лишь в Церкви Христовой. Но в то же время общины, отпавшие от единства с православием, никогда не рассматривались как полностью лишенные благодати Божией. Разрыв церковного общения неизбежно приводит к повреждению благодатной жизни, но не всегда к полному ее исчезновению в отделившихся общинах. Именно с этим связана практика приема в Православную церковь приходящих из инославных сообществ не только через таинство крещения. Несмотря на разрыв единения, остается некое неполное общение, служащее залогом возможности возвращения к единству в Церкви, в католическую полноту и единство^[72].

В православии существует несколько чинов приема в церковь представителей иных общин: через покаяние, через миропомазание и через крещение (как нехристиан). Обычно выбор чина приема обусловлен степенью близости конфессионального учения к учению Православной церкви, однако жестких правил не существует, возможны вариации в отношении приема представителей даже одной и той же конфессии. Внутри

православия имеют место некоторые споры и разногласия по этому поводу¹⁷³¹.

Проблема здесь в следующем: если крещение – это таинство, в котором Бог возрождает человека, то может ли Он возродить его без истинной веры, вне истинной Церкви? Формально, с православной точки зрения, нет. Но фактически в истории Церкви были случаи, когда даже святые были крещены в еретических или раскольнических общинах и приняты в ортодоксальную церковь без повторного крещения¹⁷⁴¹. Особенно ярко эта проблема проявилась в связи с арианским спором. Принятые тогда решения сегодня лежат в основе приема представителей некоторых конфессий в православие без крещения.

Видимо, именно сохранением «общения» со стороны Православной церкви обусловлено действие благодати «в отделившихся общинах». И церковным принятием определяется, наполнится ли для инославного христианина крещение благодатным содержанием. Действительно, по словам митрополита Сергия:

Признание инославных таинств всецело зависит от усмотрения Церкви, в одном случае Церковь вольна их признать, а в другом – не признать. Значит, и классификация инославных исповеданий по трем чиноприемам... всецело покоится на так называемой церковной экономии, на желании Церкви облегчить доступ ко спасению возможно большему числу людей, то есть на усмотрении церковной пользы для данного времени и для данного места¹⁷⁵¹.

Раньше мы видели, что для духовного возрождения человека, с православной точки зрения, как правило, требуется, чтобы церковь совершила над ним таинство крещения и миропомазания. Теперь мы видим, что духовное возрождение возможно и на основании принятия церковью человека, который подвергся «обряду» той конфессии¹⁷⁶¹, с которой церковь решила сохранить частичное общение. В каком-то смысле, Бог присоединяет к народу Божьему того, кого этот народ признал своим, и благословляет того, к кому Божий народ относится благосклонно. При таком положении вещей, в частности, многие претензии по поводу практики крещения внутри Православной церкви, пусть даже противоречащей некоторым православным нормам, уж тем более могут быть сняты¹⁷⁷¹.

предпосылки православного учения

Мы описывали ситуацию с крещением в Православной церкви, лишь вскользь затрагивая вопросы межконфессиональной полемики. Однако здесь необходимо хотя бы отчасти систематизировать те предпосылки православной доктрины о крещении, с которыми связаны фундаментальные различия между подходами разных церквей^[178].

Соединение крещения водой и крещения Духом

Одна из особенностей православного толкования крещальных текстов в Новом Завете – относить все случаи, где упоминается о крещении христианина, к церковному таинству. Писание, очевидно, говорит о двух разных крещениях: водой и Духом (ср., например, Деян. 10:44–48 и 11:15–17). Но при православном подходе все последствия этих двух крещений (возрождение, спасение, вхождение в Церковь, запечатление и тому подобное) оказываются связанными с водным крещением и миропомазанием, совершаемым церковью, а не с прямым действием Духа Святого^[179]. Это приводит к особой оценке значимости крещения как такового.

Спасение как процесс

Так как, с православной точки зрения, спасение является протекающим всю жизнь процессом борьбы с грехом и стяжания благодати Святого Духа, крещение (вместе с миропомазанием) вполне естественно рассматривать как одно из важнейших данных Богом вспомогательных средств на этом пути. Следовательно, оно должно производить определенное благодатное преобразование в человеке. Здесь важно заметить и следующий психологический нюанс: при таком понимании для православного христианина легко будет истолковать любой положительный духовный опыт как следствие благодати крещения, а, значит, как подтверждение православного учения о крещении^[180].

Посредничество Церкви

С православной точки зрения, именно Православная церковь является телом Христовым и, следовательно, «хранительницей» восстановленной Христом человеческой природы, сферой особого действия Святого Духа, новым Божиим народом, достигающим спасения, источником благодати даже для

отпавших и тому подобное. Человек приходит к Богу не напрямую, но через посредничество Православной церкви. Это посредничество она готова предоставить всем, родным ей по духу или по плоти, включая ее собственных детей. На практике такое посредничество означает, например, что пребывание в человеке Духа Святого обусловлено тем, помажет ли его православный священник сложнейшей по составу и приготовлению смесью (миром) или нет.

* * *

Межконфессиональные споры весьма сложны и часто чрезвычайно болезненны. Мы имеем здесь дело с искренним переживанием христиан о своих собственных отношениях с Богом и о судьбе многих людей, которые им безразличны. Крещение как видимое начало христианской жизни и как проявление бросающихся в глаза различий всегда будет одной из основных тем таких споров. Но в случае протестантско-православной полемики нужно постараться сделать «шаг назад» и задаться следующими вопросами:

1) Действительно ли, произнося слово «крещение», мы говорим об одном и том же явлении? Можем ли мы отдельно обсуждать крещение водой и крещение Духом? Толкуем ли мы Писание с учетом этого разграничения?

2) Что такое спасение? Можем ли мы на основании Писания говорить о мгновенном изменении из состояния неспасенного в состояние спасенного? Каково положение крещения по отношению к такому изменению?

3) Ограничена ли истинная Церковь одной конфессией? Возможно ли спасающее действие Бога напрямую, без посредников? Где границы церковного «посредничества»? Какова значимость крещения лично для человека?

Даже если мы здесь и не придем к согласию, по крайней мере, мы сможем лучше понимать и других христиан, и, возможно, самих себя.

^[1] Данная статья была опубликована в альманахе «Кафедра». №3. С. 121–150.

^[2] Непосредственно после миропомазания совершается третье таинство, евхаристия: «Возрождение “водой и Духом” означает единую последовательность “посвящения в христианство”, в котором соединены в “букет спасения” “три главнейших таинства”: крещение, миропомазание и евхаристия» (Евдокимов П. *Православие*. М.: ББИ, 2002. С. 385)

^[3] По поводу крещального толкования данных текстов в православии существует общее согласие, но толкователи–протестанты большинство из них вообще не связывают с *водным* крещением. Подробное обсуждение православных представлений о крещении см. в кн: Афанасьев Н. *Вступление в Церковь*. М.: Паломникъ, 1993; Шмеман А. *Водой и Духом. О таинстве крещения*. М.: Паломникъ, 2001; *Православное учение о таинствах. Материалы V Международной богословской конференции РПЦ*, 2007 (тексты на сайте «Синодальной богословской комиссии»: www.theolcom.ru).

^[4] Филарет (Дроздов), свт. *Пространный православный катехизис Православной кафеолической восточной церкви*. §§ 285, 287. Цит. по тексту на сайте «Азбука веры»: www.azbyka.ru.

^[5] Иоанн Дамаскин. *Точное изложение православной веры*. М.: Центр по изучению религий, 1992. С. 127. Сама взаимосвязь трех дней во гробе и трех погружений в воду строится не только на совпадении числа, но и, согласно Григорию Богослову, на сходстве двух связанных стихий: воды и земли; в основе лежит аристотелевский взгляд на мир как состоящий из огня, воздуха, земли и воды (подробнее см. в кн.: Скутерис К. Крещение и первородный грех // *Православное учение о таинствах*, 2007. С. 5).

^[6] Евдокимов П. *Православие*. С. 386.

^[7] Подробнее о тринитарном аспекте крещения см. в кн.: Георгий, архиепископ Нижегородский и Арзамасский. Богословские аспекты таинств крещения и миропомазания // *Православное учение о таинствах*, 2007. С. 4–7.

^[8] Там же. С. 5.

^[9] Там же. С. 3.

^[10] Яннарас Х. *Вера Церкви*. М.: Центр по изучению религий, 1992. Цит. по тексту на сайте «Азбука веры».

^[11] Желудков С. *Литургические заметки*. М.: Sam & Sam, 2003. С. 53.

^[12] Полное описание чинопоследования крещения см. в кн.: *Требник*. М.: Издательский совет РПЦ, 2002. Толкование смысла и объяснение значимости отдельных элементов чинопоследования см. в кн.: Шмеман А. *Водой и Духом. О таинстве крещения*. Отметим также, что многие из элементов чинопоследования известны были уже во времена Василия

Великого (IV в.), который относит их к *преданию* Церкви: «По какому Писанию благословляем и воду крещения, и елей помазания, и самого крещаемого? Не по умолчанному ли тайному преданию? Что еще? Самому помазанию елеем, какое написанное слово научило нас? Откуда и троекратное погружение человека, и прочее относящееся к крещению, отрицаться сатаны и ангелов его, из какого взято Писания?» (Василий Великий. *О Святом Духе*. Цит. по тексту на сайте «Библиотека святоотеческой литературы»: www.orthlib.ru).

^[13] Страгородский Сергей, архиеп. *Православное учение о спасении*. М.: Просветитель, 1991 (репринт с издания 1898 г.). С. 201; здесь и далее орфография изменена на современную. – П. Т.

^[14] Подробнее см., например, кн.: Мейендорф И. *Византийское богословие*. Минск: Лучи Софии, 2001. С. 228–236.

^[15] Лосский В. Очерк мистического богословия восточной церкви // *Боговидение*. М.: АСТ, 2003. С. 231.

^[16] Скутерис К. *Крещение и первородный грех*. С. 5.

^[17] Яннарас Х. *Вера Церкви*.

^[18] По словам Тихона Задонского, через крещение люди «прицепляются истинной Лозе» (цит. по: Страгородский С. *Православное учение о спасении*. С. 188). Согласно Афанасию Великому, в крещении Христос становится «корнем нашего воскресения и нашего спасения» (цит. по: Лосский В. *Очерк мистического богословия восточной церкви*. С. 250). Игнатий Брянчанинов пишет: «Такое обновлённое Господом естество человеческое прививается, так сказать, к естеству падшему посредством крещения. Крещение, не уничтожая естества, уничтожает его состояние падения; не делая естества иным, изменяет его состояние, приобщив человеческое естество естеству Божию» (*Творения святителя Игнатия*. Т. 2. М.: Сретенский монастырь, 1998. С. 376).

^[19] Симеон Новый Богослов пишет: «Бог Слово входит в человека и пребывает в нем, как семя. Спасительная благодать есть дар Божий, который, как семя божественное, всевается всякому крещающемуся» (цит. по: Рубский В. *Православие – протестантизм. Штрихи полемики*; по тексту на сайте «Азбука веры»). Владимир Рубский отождествляет даруемое в крещении

семя с семенем Бога из Первого послания Иоанна 3:9, объясняя, что из этого семени внутри нашего ветхого человека растет «Новый Человек» (там же).

^[20] Страгородский С. *Православное учение о спасении*. С. 208. Стоит отметить, что некоторые православные авторы чуть менее пессимистичны в описании состояния крещеного человека. Например, архиепископ Георгий пишет: «Христианин получает в таинствах Крещения и Миропомазания свободу от тирании диавола и греха... Грех “оставляется” в таинстве как руководящая сила, покоряющая себе всего человека, он словно бы исторгается из сердцевины человеческого духа и обретает свое место на периферии унаследованной от Адама плоти» (*Богословские аспекты таинств крещения и миропомазания*. С. 10).

^[21] Подробнее о православном понимании спасения см. кн.: Страгородский С. *Православное учение о спасении*. См. также хороший обзор данного вопроса в кн.: Каллист (Уэр), еп. Понимание спасения в православной традиции // *Учение о спасении в разных христианских конфессиях*. М.: ББИ, 2005. С. 10–35.

^[22] «Грехи прощаются во многих таинствах. Прощение личных грехов в крещении не составляет его назначения (цели)» (Рубский В. *Православие – протестантизм*). «Кто освободился от греха в крещении, тот за прежние грехи, конечно, наказан не будет; но если он этим очищением и удовольствуется, то в Царство Небесное он все-таки не войдет» (Страгородский С. *Православное учение о спасении*. С. 212).

^[23] Страгородский С. *Православное учение о спасении*. С. 170.

^[24] Цит. по кн.: Скутерис К. *Крещение и первородный грех*. С. 4; курсив наш. – П. Т.

^[25] «Первородный грех есть добровольное уклонение человека от состояния сосуществования с Богом к состоянию отчужденности. Утрата общения с Богом тождественна утрате изначальной подлинности, то есть естественной святости человеческой личности... [Это] потеря «здравия» и «благобытия»... помрачение ума и души, а также, вместе с душой, повреждение и тела. В результате «первородного греха» каждый человек наследует «семена зла». Он страдает серьезным «недугом», который неизбежно ведет его к смерти». Там же. С. 3.

^[26] Обсуждение проблемы перевода и толкования данного текста с протестантской точки зрения см., например, в кн.: Уоллас Д. *Углубленный курс грамматики греческого языка*. Новосибирск: НББС, 2010. С. 366–367. Синодальный перевод Послания римлянам 5:12 не вполне удачен, так как соединяет в себе два *разных* толкования одной конструкции: «потому что все согрешили» и «в нем все согрешили».

^[27] Мейендорф И. *Введение в святоотеческое богословие*. Клин: Христианская жизнь, 2001. С. 258–259.

^[28] Например, митрополит Макарий писал: «Как до крещения мы бываем *плотью*, будучи рождены от плоти, т. е. имеем от своих родителей наследственную греховную нечистоту, препятствующую нам войти в Царство Божье, так точно в таинстве крещения мы становимся *духом*, и, значит, чистыми от прародительского греха, или плотской нечистоты, – вследствие чего и входим в Царство Божье» (Макарий [Булгаков], митр. *Православно-догматическое богословие*. Т. 2. СПб.: Типография Р. Голике, 1883. С. 330; здесь и далее орфография изменена на современную. – П. Т.).

^[29] Александр Шмеман (ректор православной семинарии в Нью-Йорке) так описывал ситуацию примерно 40 лет назад: «Внешне богослужение по-прежнему отражало крещальную символику смерти и воскресения, но реальное значение таинства сместилось. Буквально во всех учебниках нашего “систематического” богословия основной упор в объяснении крещения делается на первородном грехе и благодати... Что же касается православного Востока, то он, отвергая учение о “тварной благодати”, считая его западной ересью и тем самым сохраняя доктринальное православие, во всех практических действиях принял тот же подход в своем собственном, глубоко озападнившемся, литургическом богословии» (Шмеман А. *Водою и Духом*. Глава 2, §6). Цитировавшийся выше Иоанн Мейендорф являлся сотрудником той же самой семинарии, что и Александр Шмеман.

^[30] Обзор православного понимания сотворения и грехопадения человека, а также оценку этих концепций с точки зрения протестантского богословия см. в кн.: Ферберн Д. *Иными глазами. Взгляд евангельского христианина на Восточное Православие*. СПб.: Библия для всех, 2008. С. 112–128, 196–198. В частности, Дональд Ферберн показывает, что слова «образ» и «подобие» используются в Писании как синонимы.

^[31] По словам Василия Великого, «Бог сотворил человека животным, получившим повеление стать богом» (цит. по кн.: Лосский В. Догматическое богословие // *Боговидение*. С. 502).

^[32] Лосский А. Учение некоторых отцов Церкви V–VIII вв. о крещении и миропомазании // *Православное учение о таинствах*. С. 5.

^[33] Макарий (Булгаков), митр. *Православно-догматическое богословие*. Т. 2. С. 313.

^[34] См. выше, сноска 28.

^[35] Цит. по кн.: Мещеринов П. *Беседы о вере и Церкви*. М.: Даниловский Благовестник, 2004; по тексту на сайте «Азбука веры».

^[36] Иванов М. «Благодать» // *Православная энциклопедия*. Т. 5. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. С. 302, 304.

^[37] Не стоит думать, что действие Святого Духа начинается с миропомазания. С православной точки зрения, Он принимает активное участие и в собственно крещении. Павел Евдокимов пишет: «Будучи олицетворенным освящающим началом, Святой Дух в Своем сакраментальном пришествии сообщает Свои энергии крещальной воде, воде живой... делая ее проводником благодати и водой-родительницей... Вода не просто возвышается Святым Духом до уровня проводника Его действия, или инструментальной причины, но Святой Дух нисходит в саму воду» (Евдокимов П. *Православие*. С. 386–387).

^[38] Макарий (Булгаков), митр. *Православно-догматическое богословие*. Т. 2. С. 347–349.

^[39] В Католической церкви миропомазание отделилось по времени от крещения и превратилось в таинство конфирмации, которую совершает епископ. Если человек был крещен в младенчестве, то конфирмация совершается при достижении сознательного возраста. Подробнее о католическом учении см., например, в кн.: Хаффнер П. *Тайна таинств*. М.: ББИ, 2007. С. 52–67.

^[40] Миро является сложным составом, включающим, по разным источникам, от 37 до 75 компонентов (символ многообразия христианских добродетелей), который варят на основе елея и белого вина. Оно готовится

раз в два года, и весь процесс занимает почти месяц (с Крестопоклонной недели до Великого четверга).

^[41] См., например, анализ подхода к описанию роли Святого Духа при крещении у Кирилла Иерусалимского и Иоанна II в кн.: Лосский А. *Учение некоторых отцов Церкви V–VIII вв. о крещении и миропомазании*. С. 2–3.

^[42] Филарет (Дроздов), свт. *Пространный православный катехизис*. §304.

^[43] Шмеман А. *Водой и Духом*. Глава 3, §2. Ср. также слова Николая Кавасилы: «Миро вводит Самого Господа Иисуса, в Котором все спасение людей, вся надежда благ и от Него нам общение Святого Духа, чрез Него же и приведение к Отцу» (Кавасила Н. *Христос. Церковь. Богородица*. М.: Изд-во храма св. мученицы Татианы, 2002. С. 47).

^[44] Говоря о дарах Духа, православные богословы не имеют здесь в виду дары чудотворения или тому подобное: «Сошествие Духа в сердце христианина имеет своей целью не самодовольное упоение экстатическим состоянием и не сообщение экстраординарных даров, – Дух вселяется в сердце для того, чтобы христианин имел внутри себя силу Божию, восполняющую доброе произволение самого человека следовать за Христом» (Георгий, архиеп. *Богословские аспекты таинств крещения и миропомазания*. С. 7).

^[45] Лосский В. *Очерк мистического богословия Восточной церкви*. С. 231, 239, 243.

^[46] Протестанты совершают крещение, но найдется весьма немного православных, которые признают это действие настоящим крещением со всеми необходимыми последствиями.

^[47] Цит. по кн.: Скутерис К. *Крещение и первородный грех*. С. 2.

^[48] Филарет (Дроздов), свт. *Пространный Православный Катехизис*. §228.

^[49] Архимандрит Сергей отмечает, что спасение возможно даже без водного крещения в случае так называемого «крещения кровью» (то есть мученичества за веру некрещеного человека): «Если сущность таинства в укреплении ревности человека к добру, то совершенно понятно, что эта ревность все равно делает его членом царства небесного и дает ему способность усвоить себе блаженство святости, хотя бы в настоящей жизни человеку пришлось ограничиться только одним словесным обещанием жить

свято... Крещение кровью заменяет таинственное крещение водой... [потому что] оно тождественно с ним по внутреннему смыслу; как то, так и это происходят от бесповоротного решения служить Христу и отречения от своих греховных желаний» (Страгородский С. *Православное учение о спасении*. С. 214–215). Впрочем, видимо, не все с ним согласятся. В частности, Кирилл Иерусалимский считал крещение кровью особым Божиим установлением на основании того, что «Спаситель, искупляя вселенную Крестом, и, быв пронзен в ребро, извел из него кровь и воду, дабы одни во времена мира крестились водою, другие во время гонений крестились собственной кровию» (цит. по кн.: Георгий, архиеп. *Богословские аспекты таинств крещения и миропомазания*. С. 2).

^[50] Шмеман А. *Водой и Духом*. Глава 2, §8.

^[51] Кирилл Иерусалимский. *Поучение предогласительное 4*; цит. по тексту на сайте «Библиотека святоотеческой литературы».

^[52] Кирилл Иерусалимский. *Огласительное поучение 17*, 36 (там же).

^[53] Рубский В. *Православие – протестантизм*.

^[54] *Книга Правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и поместных и святых отец*. М.: Благовест, 2004. С. 233.

^[55] Мейендорф И. *Введение в святоотеческое богословие*. С. 259.

^[56] Иларион (Алфеев), митр. *Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие*. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2000. Цит. по тексту на сайте «Митрополит Иларион»: www.hilarion.ru.

^[57] Макарий (Булгаков), митр. *Православно-догматическое богословие*. Т. 2. С. 317.

^[58] Там же. С. 337–338.

^[59] С протестантской точки зрения, если уж нужно говорить о преемственности между заветами и о продолжении существования знака завета, то, возможно, его бы следовало искать именно в изменении сердца («совлечении греховного тела плоти»), а не в крещении (см. в кн.: Эрикссон М. *Христианское богословие*. СПб.: Библия для всех, 2004. С. 928–929).

^[60] Подробнее см. в кн.: Кураев А. *Протестантам о Православии*. Клин: Христианская жизнь, 2006. С. 148–150.

^[61] Ср. рассуждение митрополита Илариона о других параллелях: «Ветхозаветным прообразом Церкви был израильский народ, избранный Богом и отделенный от других народов. Признаками принадлежности к ветхому Израилю служили национальность и обрезание, к новому Израилю – Церкви – вера во Христа и крещение. Ветхий Израиль был полком во главе с Богом–Предводителем, новый Израиль является стадом во главе с Христом–Пастырем (ср. 1 Пет. 5:1–2). Ветхий Израиль странствовал по пустыне в ожидании Земли Обетованной, новый Израиль странствует по Земле Обетованной в ожидании и предвкушении Царства Небесного, которое во всей полноте откроется только после «скончания века», то есть в будущей жизни, но которое уже сейчас начинается для людей в Церкви» (Иларион [Алфеев], митр. *Таинство веры*).

^[62] Кураев А. *Протестантам о Православии*. С. 149, 150.

^[63] Мещеринов П. *Беседы о вере и Церкви*.

^[64] Восприемники, иногда называемые крестными родителями, во время крещения младенца произносят от его имени все необходимые обеты и исповедания. Согласно катехизису: «При крещении бывают восприемники для того, чтобы *поручиться* перед Церковью за веру крещаемого и по крещении принять его под свое попечение для утверждения его в вере» (Филарет [Дроздов], свт. *Пространный православный катехизис*. §292; курсив наш. – П. Т.). Институт восприемничества возник в древней Церкви при крещении взрослых. Восприемник выступал как поручитель, ответственный за того, кого он привел в церковь для крещения (что было особо актуально в тяжелые времена гонений). Детей же первоначально приводили родители. Впоследствии восприемничество было перенесено на крещение младенцев. Постепенно сформировалось и учение о духовном родстве между восприемником и крещаемым (см. 53–е правило Трулльского собора [681 г.], ограничивающее браки между людьми, породнившимися через восприемничество). В России вместо одного восприемника с XV века в крещении участвуют двое: крестные отец и мать. Подробнее об истории становления института восприемничества см. кн.: Афанасьев Н. *Вступление в Церковь*. Глава 6.

В связи с широко распространенным игнорированием восприемниками своих обязанностей по воспитанию крестных, приведем известные слова Иоанна Златоуста (обращенные к восприемникам взрослых христиан): «Если же принявшие поручительство о деньгах считают себя ответственными, то

насколько же больше те, кто причастен к духовному, те, кто приняли поручительство о добродетели, должны проявить великую заботу, убеждая, советуя, исправляя, проявляя отцовскую любовь. И пусть они не думают, что происходящее не имеет для них значения, но пусть узнают точно, что и славы они станут соучастниками, если своими наставлениями приведут наставляемых к пути добродетели, а если впадут в праздность, снова многое им будет осуждение» (*Огласительные беседы св. Иоанна Златоуста* // Журнал Московской патриархии, 1972. № 5. С. 72).

^[65] Филарет (Дроздов), свт. *Пространный православный катехизис*. §289.

^[66] Рубский В. *Православие – протестантизм*.

^[67] Примечательно, что подробно этот вопрос вынуждены обсуждать, в основном, православные богословы, живущие за пределами России и вовлекаемые в западные споры о крещении детей.

^[68] Шмеман А. *Водой и Духом*. Глава 2, §8.

^[69] Афанасьев Н. *Вступление в Церковь*. Глава 8.

^[70] Павел Евдокимов допускает более отдаленную степень родства: «Детей ни в коем случае нельзя рассматривать отдельно от духовной целокупности родителей или даже *дальних предков* (в случае неверующих родителей). Во всех случаях крестные родители и духовная семья Церкви исповедуют веру, необходимую для совершения таинства» (Евдокимов П. *Православие*. С. 386; курсив наш. – П. Т.). В Византии и дореволюционной России детей, чьи родители были неизвестны, также крестили в Православной (государственной) церкви.

В этом контексте любопытен следующий исторический прецедент, описываемый, в частности, Николаем Афанасьевым: «В Византии было принято крестить детей магометан, взятых в плен. Мне нет необходимости еще раз говорить о неправильности такого насильственного крещения. Мне здесь важно указать, что в Византии относительно крещения пленных детей был поднят канонический вопрос. При патриархе Луке Хризверге (1155–1169) выяснилось, что некоторые из этих детей уже были крещены у себя на родине. При исследовании этого вопроса оказалось, что магометане иногда обращались к православным священникам с просьбой окрестить их детей в суеверном убеждении, что от крещеных детей не будет запаха.

Константинопольский синод решил не признавать действительность таких крещений» (Афанасьев Н. *Вступление в Церковь*. Глава 10).

^[71] «Спасение – не изолированное и личное дело, а социальное и совместное. Мы спасаемся не поодиночке, а как члены единой человеческой семьи» (Каллист [Уэр], еп. *Понимание спасения в православной традиции*. С. 30).

^[72] Основные принципы отношения Русской православной церкви к инославиям // *Документы архиерейского собора 2000 г.* §1.15. Цит. по тексту на официальном сайте Патриархии: www.patriarchia.ru.

^[73] Подробнее о различных подходах к приему инославных см. кн.: Говорун С. Богословские аспекты практики приема в православие из инославия // *Православное учение о таинствах*. 2007; Афанасьев Н. *Вступление в Церковь*. Глава 10; Сергей (Страгородский), митр. *Отношение Церкви Христовой к отделившимся от нее обществам* // Журнал Московской патриархии. 1994, №5.

^[74] Следует отметить, что Православная церковь строго запрещает повторное крещение (ср. Еф. 4:5). Крещеный человек может быть крещен в православии еще раз, только если его крещение не признают крещением. В случае, если о крещении достоверно не известно, сегодня используется формула «Крещается раб Божий (имя рек), аще не крещен». См. примечательный аргумент Иоанна Дамаскина против повторного крещения: «Поэтому те, которые, будучи крещены во имя Отца и Сына, и Святаго Духа и научены исповедывать одно Божие естество в трех ипостасях, потом перекрещиваются, снова распинают Христа, как говорит божественный Апостол [в Евр. 6: 4–6]... Тем же, которые крещены не во Святую Троицу, должно снова перекрещиваться» (Иоанн Дамаскин. *Точное изложение православной веры*. С. 127).

^[75] Сергей (Страгородский), митр. *Отношение Церкви Христовой к отделившимся от нее обществам*; цит. по тексту на сайте «Журнал Московской Патриархии»: www.jmp.ru. Не все согласны с таким разрешением вопроса. Есть «радикалы», настаивающие на перекрещивании всех, есть «либералы» (они в явном меньшинстве), допускающие, что границы Церкви могут оказаться шире, чем границы православной конфессии.

^[76] Существует идея, что Церковь может преподать человеку одно таинство под видом другого таинства и, таким образом, восполнить крещение, но

она вполне справедливо критикуется митрополитом Сергием (см. Сергей (Страгородский), митр. *Отношение Церкви Христовой к отделившимся от нее обществам*).

^[77] Конечно же, это рассуждение протестантское, взгляд на ситуацию с крещением со стороны. Как пример безупречной практики можно привести многочисленные крещения обливанием в тех случаях, когда можно было бы крестить погружением: «Даже если некоторые представители православного духовенства небрежно исполняют предписания, истинно православное учение абсолютно однозначно: погружение является сущностно необходимым (за исключением особых случаев), ибо если не совершается погружение, то утрачивается соответствие между внешним знаком и внутренним смыслом и символизм таинства оказывается разрушенным» (Каллист (Уэр), еп. *Православная церковь*. М.: ББИ, 2001. С. 288).

^[78] В данной статье мы не рассматриваем протестантские взгляды на крещение. По этому вопросу можно рекомендовать другие статьи данного альманаха. См. также: Тогобицкий П. *Значимость водного крещения для первых христиан* // Богословский альманах «Благомыслие». Новосибирск: НББС, 2010. С. 99–140.

^[79] Примечательно, что православные апологеты, занимающиеся спорами с протестантами, как правило, вообще не замечают, что в протестантском богословии проводится разграничение водного крещения и крещения Духом. В результате почти все их аргументы в отношении крещения «не попадают в цель».

^[80] См. например, рассуждения священника Константина Пархоменко о серьезной духовной жизни его дочери как подтверждении действенности детского крещения (Пархоменко К. *Таинство вхождения в Церковь*. СПб.: Нева, 2002. С. 125). Как любопытный отрицательный пример см. упомянутый Андреем Кураевым случай, когда «девочка из протестантской семьи, умершая некрещеной, просила священника в видении о молитве» (Кураев А. *Протестантам о православии*. С. 160).